

Елена Слободян

Синтагма "название птицы" + "звуки, которые она издает" в переводах "Слова о полку Игореве" на русский язык : по материалам параллельного корпуса переводов "Слова о полку Игореве"

Studia Rossica Posnaniensia 35, 275-280

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

СИНТАГМА

„НАЗВАНИЕ ПТИЦЫ” + „ЗВУКИ, КОТОРЫЕ ОНА ИЗДАЕТ” В ПЕРЕВОДАХ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ПЕРЕВОДОВ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ)

THE SYNTAGMA “NAME OF A BIRD + SOUNDS EMITTED BY A BIRD” IN TRANSLATIONS OF *THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN* INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF PARALLEL CORPUS OF TRANSLATIONS OF *THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN*)

ЕЛЕНА СЛОБОДЯН

ABSTRACT. In the multilingual Parallel corpus of translations of *The Song of Igor's Campaign* several translations of the literary monument into the same language are presented. The similar language material allows to solve many linguistic problems, in particular, allows to answer such questions as: which means of the given language (syntactical, morphological, lexical, figurative) can reflect the typical situation (for example, a situation of aural perception, a fight picture etc.); what lexicon is used to translate this or that concept; in what way lexemes function in the language and combine with each other; how the initial text influences language features of translation. The article consists an attempt to answer a part of these questions, concentrating on names of the sounds making by birds, and combination of these lexemes with names of birds on a material of Russian translations of *The Song of Igor's Campaign*.

Елена Слободян, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа – Россия.

В многоязычном Параллельном корпусе переводов *Слова о полку Игоре* (<http://nevmenandr.net/slovo/>) представлено несколько переводов памятника на один и тот же язык, в т.ч. многочисленные переводы *Слова о полку Игоре* (далее СПИ) на русский, украинский и польский языки. Подобный языковой материал позволяет решать многие лингвистические задачи, в частности позволяет ответить на вопросы, какими средствами данного языка (синтаксическими, морфологическими, лексическими, образными) возможно отразить типовую ситуацию (например, ситуацию слухового восприятия, картину боя, наступление утра и т.д.); какая лексика используется для передачи того или иного по-

нения; каковы особенности употребления и сочетания лексем друг с другом; как исходный текст влияет на языковые особенности перевода.

В нашей статье мы попытаемся ответить на часть этих вопросов, сосредоточившись на названиях звуков, издаваемых птицами, и сочетаемости этих лексем с названиями птиц на материале русских переводов СПИ. Отметим, что именно „голоса” птиц оказались наиболее часто упоминаемыми в СПИ по сравнению с другими представителями фауны.

Слово *соловей* упоминается в СПИ в двух значениях: 1) ‘птица, отличающаяся прекрасным пением’; 2) ‘искусный певец, наименование Бояна’. В обоих случаях в соответствующих фрагментах приводятся лексемы, описывающие звуки, издаваемые птицей. Названия звуков, издаваемых птицей, упоминаются в двух фрагментах: во фрагменте 35: *щекотъ славій усне, говоръ галичь убуди*; и во фрагменте 202: *Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ*. Оба фрагмента описывают картину наступления утра. В большинстве переводов на русский язык для обозначения звуков, издаваемых соловьем, употребляется лексема *щекот* (от глагола *щекотать* ‘петь [о некоторых птицах]’). Это значение глагола *щекотать*, по мнению П.Я.Черных, являющееся древнейшим¹, в современном языке можно считать устаревшим, и встречается оно для этого глагола не во всех толковых словарях русского языка (нет его, например, в толковом словаре С.И. Ожегова²). НКРЯ тоже не дает никакой информации относительно современного употребления глагола *щекотать* в значении ‘петь (о птицах)’. М. Фасмер полагает, что *щекотать* в значении ‘петь’ и *щекотать* в значении ‘вызывать нервное раздражение’ – это две, по-видимому, не зависящие друг от друга лексемы, объединение которых в рамках одного этимологического гнезда затруднительно³. Сходное мнение высказывает и А. Преображенский: „затруднительно примирить значения *titillare* и *щелкать, стрекотать* (о птицах)”⁴. Субстантивный же дериват этого глагола в виде *щекот*, хотя и встречается во многих современных толковых словарях, причем в единственном значении ‘пение птиц’, в основном не поддерживается примерами из реальных текстов (ср. словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой⁵, Толковый сло-

¹ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х томах*, т. 2, Москва 1999, с. 431.

² С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.

³ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах*, т. 4, Москва 1986.

⁴ А. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1910–1914, с. 116.

⁵ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь русского языка: в 3-х томах*, т. 3, Москва 2005.

варь Д.Н. Ушакова⁶). В НКРЯ результатов запроса *щекот* оказалось меньше пяти, и все они датируются не позднее 1920 года. Следовательно, в случаях, когда современный переводчик использует этот архаизм, он находится под влиянием первоисточника и предыдущей переводческой традиции. Интересно отметить, что в древнерусском языке И.И. Срезневским зафиксирована только лексема *щекотъ*, которая подтверждена единственным примером из СПИ, а глагол **щекотати* в *Материалах к словарю...* отсутствует⁷. Более естественным для современного русского языка является лексема *щebet*, которую употребляют А.Ю. Чернов, Б.Д. Быченко, А.Б. Козлов. Впрочем некоторые переводчики XIX века также выбирают именно *щebet*. Кроме этого, звуки, издаваемые соловьем, переводчики называют *свист/посвист*, *трели* и *пение* в различных вариациях (*Песнь соловья уснула* В.В. Капнист, *Пенье соловьев настало* В.П. Буйначев, *Пение соловьев замолкло* А.С. Тиньков и т.п.). Во фрагменте 202 практически все переводчики передают названия звуков, издаваемых соловьем, как *пение*, *песня*, *трель* (в оригинале: *соловиу весельми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ*), что вполне соответствует современному состоянию русского языка, где, согласно НКРЯ⁸, самыми частотными словами, описывающими звуки, издаваемые соловьем, оказались лексемы *свистеть* и *петь*.

Контексты, где слово *соловей* употребляется для наименования Бояна, немногочисленны и не дают ничего нового для понимания закономерностей функционирования синтагмы „название птицы” + „звуки, которые она издает” в русском языке; в основном, в этих немногочисленных отрывках *соловей* используется как обращение (*О Бояне, соловию старого времени!* фр. 14) и в рамках указанной синтагмы не реализуется.

Другая часто упоминаемая в СПИ птица – галка. Интересные точки зрения на то, что в древнерусском тексте обозначает слово *галица* и какую роль играет эта птица в образной структуре СПИ, изложены в *Энциклопедии „Слова о полку Игореве”*: галка рассматривается как метафора половцев (Вс. Миллер, Д.С. Лихачев), некая враждебная сила (С. Пушкин), тотем половцев (Г.В. Сумаруков), воины-галичане (А.К. Югов)⁹. Тем не менее, в переводе А.К. Югова в трех фрагментах, в которых встречается синтагма „название птицы” + „из-

⁶ *Щекотать* 2, [в:] Д.Н. Ушаков, *Толковый словарь русского языка: в 4-х томах*. Т. 4: С–Ящурный, Москва 1940, стб. 1383.

⁷ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1890–1912; т. 3, 1912.

⁸ http://search.ruscorpora.ru/search.xml?mycorp=&mysent=&mysize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&parent1=0&level1=0&lex1=%F1%EE%EB%EE%E2%E5%E9&gramm1=S&sem1=%3Aconcr+%26+t%3Aanimal&flags1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=10&lex2=&gramm2=V&sem2=t%3Asound&flags2=

⁹ О.В. Творогов, *Галица*, [в:] *Энциклопедия „Слова о полку Игореве”: в 5-ти томах*. Т. 2: Г–И, Санкт-Петербург 1995, с. 6–7.

даваемые ею звуки”, слово *галка* употребляется именно в значении ‘птица’. Правда, во всех трех фрагментах звуки, издаваемые галками, метафорически обозначены через лексику речи с абстрактным значением: *говор галок*, *галичий говор* (фрагмент 35), *галки свою речь говорили*, *галки по-своему говорили*, *галки переговаривались* (фрагмент 65), *галки примолкли/помалкивали* (фрагмент 201). Интересно, что в современном русском языке нет специальных слов для обозначения звуков, издаваемых галками (согласно НКРЯ эти звуки чаще всего передаются с помощью глагола *кричат* или *каркать*: *Галки кричат, и капает вода* [Асар Эппель, *Шампильон моей жизни* (1992)]; *Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе* [Л.Н. Толстой, *Война и мир*, т. 3, 1867–1869]).

Часто упоминаются в СПИ и звуки, издаваемые воронами. Варьируется в переводах само название птицы: *ворон/вран*. Причем, видимо, эти варианты не зависят от времени создания перевода; древнерусское *воронь* зафиксировано с XI века, в оригинале употребляется *врань*, по происхождению являющееся старославянизмом. У всех переводчиков звуки, издаваемые воронами, обозначаются словами *каркать*, *грать*, в редких случаях более широким по семантике *кричат*. Слово *каркать* называет звуки, издаваемые только воронами. Слово *грать* более широкое по семантике, оно обозначает звуки, которые издают птицы, „называемые вороньем” (В.И. Даль) – галками, сороками, воронами; ср. также название птицы: *грач*. Интересно, что в СПИ *грать* употребляется только по отношению к воронам, хотя все птицы, относимые В.И. Далем к „воронью”, упомянуты. Выбор того или иного варианта обусловлен не временем создания перевода (и *каркать*, и *грать* имеют древние индоевропейские корни и были известны древнерусскому языку), а влиянием либо современного переводчику словоупотребления, либо оригинала (в оригинале *грать*).

Еще одна птица, которая заслужила неоднократного упоминания в СПИ, – сорока (ср., например, фр. 200: *А не сороки втроскоташа – на слъду Игоревъ ъздитъ Гзакъ съ Кончакомъ*). Звуки, ею издаваемые, передаются переводчиками с помощью глаголов *стрекотать*, *трещать*, *троскотать*. Последний глагол вообще не употребляется ни в языке XIX, ни в языке XX века. Встретился он только в двух переводах – Г. Карпунина и А. Б. Козлова (оба выполнены в последней четверти XX века), и появился там, по нашему мнению, под влиянием оригинала. Среди других птиц в СПИ по одному разу упомянуты орел и дятлы. Обеих птиц нельзя назвать слишком „болтливыми” или отличающимися выразительным голосом. В связи с этим особенно интересно рассмотреть, как переводчики замещают в синтагме глаголы звучания.

Во фрагменте 31, где упоминаются орлы, почти все переводчики пошли вслед за оригиналом и назвали звуки, издаваемые орлом, *клекотом*, *клекотанием*. Некоторые переводчики употребляют слово с более абстрактным значением *крик*, *кричат*. И лишь немногие „выходят из положения”, вообще не

употребляя лексику звучания в прямом значении: *Орлы этой ночью Зверей созывают: / на кости – победу – соседей скликают* (Г.В. Сумаруков), *| Знать, на кости русские скликают | Зверя кровожадные орлы* (Н.А. Заболоцкий), *Орлы черные звѣрей зовутъ | Трупы пожиратъ Россійскіе* (И. Сиряков).

Что касается дятлов, то в синтагме „название птицы” + „обозначение звуков, которые она издает” описывается не „голос” дятла, а те звуки, которые он издает, когда долбит дерево. Перед переводчиком стоит задача перевести др.-р. *тектъ*. По-видимому, это слово в древнерусском письменном языке встречалось нечасто. В словаре И.И. Срезневского оно подкреплено единственным примером именно из СПИ¹⁰. По нашему мнению, это отглагольное существительное может происходить от глагола *токовати* ‘особым криком позывать самку’, однако такая точка зрения спорна и требует серьезного подтверждения. В современном русском языке и в языке XVIII–XIX вв. это слово является специфическим, почти профессионализмом из языка охотников, и употребляется не так часто. Многие переводчики избрали для перевода глагол со значением ‘частыми последовательными ударами производить звук’: *долбить* (долбление), *стучать* (стук), хотя двенадцать переводчиков из девяноста одного вслед за оригиналом используют непонятное современному носителю и не совсем стилистически корректное *тект*, *текот*.

Неясна в СПИ природа объекта под названием *Дивъ*, самые достоверные извлекаемые из текста сведения о котором ограничиваются его положением на вершине дерева и способностью издавать зловещие звуки. В минуту бедствий он может слететь (низринуться) на землю, из-за чего положение дел становится совсем плохим. Большинство ученых считают, что *дивъ* – это птица (филин, удод, некая мифическая, фантастическая птица); есть также мнения, что это леший (Н.Ф. Сумцов, П.В. Владимиров, В.Ф. Ржига, В.В. Иванов и В.Н. Топоров), половецкий стражник-дозорный, который сидит на дереве (Н.М. Павлов, И. Новиков)¹¹. Эти мнения нашли свое отражение в разных переводах: *С высоких деревьевъ взывает дозор / к неизвестной Волге-земле на востоке* (Г.В. Сумаруков), *Леший на вершине кличет, / Всем, наверняка дал знать уж* (А. Чесноков), *кричит филин на вершине дерева, чтоб слышали голос его в земле неизвестной* (перевод Первого Издания). В большинстве переводов, однако, слово *Див* употребляется в значении ‘птица’. В оригинале *дивъ кличетъ връху древа*, однако, в данном случае переводчики не всегда предпочитали идти вслед за оригиналом: лексика, описывающая звуки, издаваемые этим существом, – это в основном лексика речи: 1) лексика, характеризующая внешнюю сторону речи: *кликать*, *кричать*, 2) лексика со значением ‘издавать нечленораздельные звуки’: *вопить*, *завывать* (сова), *свистеть*, *выть*, *заливаться*

¹⁰ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1890–1912; т. 2, 1902.

¹¹ Л.В. Соколова, *Див*, [в:] *Энциклопедия „Слова о полку...”*, указ. соч., с. 110–114.

воем, звать в рог, 3) лексика говорения: *пробурчать/промолвить* (Е. Евтушенко), *призывать, давать весть, взывать, звать*.

Интересно, что замеченные нами закономерности для русских переводов прослеживаются и в переводах памятника на другие языки: ср. фрагмент 31 для группы польских переводов, где голос орла передается с помощью глагола с абстрактным значением *wołać/przywoływać*; в отрывке о дятлах, ввиду отсутствия в польском языке слова, родственного др.-р. *тектъ*, звуки, издаваемые дятлами, передаются также с помощью слов со значением ‘частыми последовательными ударами производить звук’: *kuć, stukać, wystukiwać, kucie*. Интересно, что в украинских переводах наряду с лексемой *стук* переводчики используют более похожие по форме на оригинальную лексемы *тукот, стукот, стукит*; те же семантические группы слов, что и в русском языке, используются в переводах на другие славянские языки для названия звуков, издаваемых Дивом и т.п.

Итак, чем же можно обосновать выбор переводчиком той или иной формы передачи смысла оригинала? *Слово о полку Игореве* – это произведение со сложной судьбой, которое вызвало множество споров и легенд. При передаче смысла памятника на современный язык переводчики идут двумя путями. Во-первых, буквально следуют за оригиналом, переводя древнерусский текст с помощью однокоренных русских слов, даже если это является стилистически не совсем удачным (как, например, в случае с *текот*). Для того чтобы сделать текст более „адекватным” современному состоянию языка и в то же время не допустить ошибки при передаче смысла, переводчики выбирают слова с гиперонимическим значением (*кричать, неть* и т.п.). Если перед переводчиком стоит задача передать на современный язык „темное место” (как, например, в случае с Дивом), то картина словоупотребления является весьма разнообразной, что объясняется, по нашему мнению, множественностью трактовок смысла фрагмента.